

К. А. Костромин

К вопросу о происхождении древнерусской церковной десятины

Крещение Руси ознаменовалось появлением церкви как общественного института, который, помимо обязанностей, имел также и потребности в содержании, которые были удовлетворены введением в 996 году десятины. Происхождение десятины и ее природа активно дискутировались в исторической науке.

Среди основных мнений о происхождении десятины выделяются следующие: 1) десятина имеет византийское происхождение; 2) десятина основывается на ветхозаветных предписаниях и является результатом как христианизации, так и связей с иудаизмом; 3) десятина имеет славянское происхождение и опирается на языческое прошлое; 4) введение десятины было результатом влияния церковных порядков Западной Европы. Необходимо взвесить степень вероятности каждого из высказывавшихся мнений, чтобы определить дальнейшее направление исследования.

Первое мнение высказывалось на заре изучения церковной истории Древней Руси[1] Оно отражает тенденцию, к сожалению, характерную для отечественной науки: до тех пор, пока кто-либо из ученых-энтузиастов не начнет разбираться в какой-либо проблеме детально, действует общепринятое мнение, поколебать которое очень трудно даже после публикации результатов изысканий в этой области, опровергающих традиционное мнение. Так, до сих пор бытует общепринятое мнение о том, что христианство на Русь было принесено из Византии, хотя голословно признаваемый при внимательном рассмотрении этот тезис принят быть не может. Можно вспомнить, что *большая* часть христианской культуры славян была создана на Балканском полуострове, а Русь получила византийское наследие в рецепции болгар, сербов и чехов.

Так получилось и с десятиной. Априорно высказанное мнение о заимствовании десятины из Византии, так как «Русская церковь все получила из Византии»[2], рассыпалось при более внимательном изучении экономических механизмов содержания церкви в самой Византии. Выяснилось, что Византия не знала церковной десятины. Государственное финансирование, не поставленное в зависимость от каких бы то ни было сборов с населения, дополненное поощряемыми государством частными пожертвованиями, никаким образом не соответствует принципу десятины. В кодексе Юстиниана этот принцип получил правовое обоснование и закрепление[3]. Имея более тесные контакты с церковью в Сирии, чем с Римом, Византия переняла у нее недоумение по поводу института десятины[4]. Это продолжалось вплоть до VIII-X веков – веков активного миссионерства, когда были христианизированы славяне. Поэтому не знавшая десятины Византия не могла передать эту идею на Русь.

Попытка обосновать тезис, согласно которому десятина в Древней Руси была заимствована из Ветхого Завета, была сделана в наши дни В. Я. Петрухиным[5]. Фактически она строится на ином априорном предположении, что христианизация привела к внимательному изучению Священного Писания и в частности ветхозаветной истории, чему свидетельством якобы является Речь Философа из Повести временных лет и содержание Хронографов. Это предположение следует признать курьезным. Если уж большинству исследователей казалось естественным слабое знание как вероучения и церковного права церковными писателями и высшим духовенством (тому можно привести массу примеров, например термин «подобосущный» из исповедания Корсунских попов в Повести временных лет[6] или ситуацию с перезахоронением останков Ярополка и Олега Святославичей в 1043 году[7]), требовать от князя Владимира или его неведомых советников столь хорошего знания Ветхого Завета, разумеется, невозможно.

Правда, русско-иудейские контакты зафиксированы в Повести временных лет в рассказе о поиске веры и в рассказе о избиении еврейских купцов в Киеве в 1113 году по случаю восшествия на киевский престол князя Владимира Мономаха[8]. Контакты эти осуществлялись посредством Хазарского каганата, принявшего иудаизм в качестве государственной религии в начале VIII века[9]. В свое время Л. Н. Гумилев особенное внимание обращал на участие иудеев в русской истории[10]. Однако, думается, влияние иудеев на внутреннюю мотивацию в формировании церковно-государственных отношений или на образ политического устройства Руси было минимальным. Об этом свидетельствует наличие только некоторых исторических сюжетов, но нет никаких следов влияния. Да и сами сюжеты имеют несколько проходной характер и негативный оттенок, что позволяет заключить о ничтожной степени влияния иудаизма на ход развития древнерусской государственности и общества.

Еще меньше оснований видеть корни церковной десятины в древнерусском язычестве, хотя такое мнение также высказывалось исследователями[11]. Не только потому что не известны основы материального обеспечения языческих культовых центров Руси, но и прежде всего потому, что церковь с самого начала последовательно противопоставляла себя язычеству и стремилась без остатка преодолеть возможные рецидивы языческого мировоззрения[12]. Даже если вспомнить о немногочисленных примерах воцерковления языческих праздников или бытовых элементов, это едва ли касается такой прозаической проблемы как материальное обеспечение культа. В любом случае церковному организму, как чужеродному для языческого общества, более сподручно было заимствовать в одной из действующих христианских традиций готовый механизм материального обеспечения.

Мнение же, согласно которому десятина имеет славянские корни, но связь с языческими культами не оговаривается,[13] также представляется нам надуманным и необоснованным, поскольку в родовом обществе невозможно отделять социальное от культового.

Остается выяснить, насколько близка связь древнерусской десятины с западноевропейской. Заявить о полном тождестве не позволяет различие пути социально-политического развития Руси и государств Западной Европы: Русь в конце X – XI вв. отчасти напоминала государство эпохи варварских королевств, что западноевропейские государства прошли еще в VI-VIII вв. Кроме того, в Европе с самого начала был остро поставлен вопрос земельной собственности и земельного пожалования, что дало мощный импульс развитию социально-экономических отношений, позднее названных феодализмом. Классического феодализма как системы вассальных социально-политических отношений, связанных с собственностью и рентой, не было в Киевской Руси.[14]

Чтобы разобраться, насколько близки друг другу институты десятины в Европе и на Руси, необходимо выяснить, в каком контексте десятина фигурирует в древнерусских источниках. Далее следует разобраться, какой смысл вкладывался в десятину в Европе в момент формирования ее как институции, что позволит сравнить их задачи и условия оформления, что позволит сказать, насколько эти явления сходны.

Суть церковной десятины, учрежденной в 996 году при киевской церкви Богородицы: «Се даю церкви сей святей Богородице от имени своего и от моих град десятую часть» [15] Причем учреждение было утверждено специальной грамотой, а отмена десятины была запрещена под угрозой проклятия. Богородичный храм и десятина были, очевидно, неразрывно связаны, так как освящение киевской Десятинной церкви приобрело статус церковного праздника, внесенного в богослужебный месяцеслов и даже в Пролог[16]

Десятина начислялась с даней, взимаемых с зависимого населения, с княжеского суда и налогов, взимаемых за торговлю и транзит. Речь идет о государственных доходах, которые выдаются князю как руководителю государственной власти. Поэтому десятина от поступающих князю налогов (в собирательном смысле) есть десятина, собираемая с населения, но собираемая централизованно, так как никаких других механизмов ее сбора не существовало и едва ли было возможно их создать [17].

Цель учреждения десятины была практически аналогичной той, которая была учреждена Карлом Великим: «темь попы набдети и сироты, вдовица и нищая» [18]. Т.е. десятина должна была использоваться как средство обеспечения духовенства и социальной деятельности. Так как они перечислены подряд, но столь различны по своему социальному статусу, резонно предположить, что по замыслу Владимира содержание «сирот,

вдовиц и нищих» должна была осуществлять церковь. Если же говорить о десятине как средстве содержания церкви, то следует отметить отсутствие у церкви крупной земельной собственности, с которой она могла бы кормиться. Десятина была вынуждена, наряду с другими иррегулярными источниками дохода, существовать по крайней мере до начала XIII века, поскольку основной способ получения средств в виде эксплуатации земли, находящейся в собственности, еще не сложился.

Анастас Корсунянин, поставленный Владимиром для хранения (и распределения?) десятины, был его доверенным лицом, что видно по поведению Анастаса во время херсонесского похода. Обращает на себя внимание и тот факт, что учреждение десятины сопровождалось пиром, т.е. кормлением ближней дружины (бояр), местной элиты (старцев градских), а также раздачей милостыни убогим,[19] что может считаться формой реализации десятины.

На Западе десятина, кажется, получила оформление вскоре после прекращения гонений и особенно после объявления христианства государственной религией указом императора Феодосия, причем речь шла о моральном требовании жертвовать на нужды церкви и на благотворительные цели. Формальное правовое закрепление десятины получила на Турском соборе 567 и Маконском соборе 585 годов, причем требование выплаты десятины ужесточалось: за невыплату десятины полагалось отлучение. [20] Впоследствии, уже при Карле Великом за неуплату десятины полагались государственные наказания вплоть до смертной казни.

Важно отметить: инициатива внедрения десятины на Западе первоначально принадлежала церковным соборам и не имела ни глубокой смысловой подоплеки, ни особого успеха. И то, и другое десятина приобрела, когда в ней оказалась заинтересована королевская власть. В древнерусских постановлениях о десятине голос церкви не прослеживается, а ее введение целиком оказалось в руках верховной власти. Поскольку десятина на Руси появилась позднее западно-европейской, она впитала только ту традицию, которая оказалась более жизнеспособной – т.е. королевскую. Жесткое требование выплаты десятины, характерное для постановлений Карла Великого, отразилось в древнерусских памятниках в форме проклятия Владимира на не выполняющих данное княжеское распоряжение.

Очередной виток развития десятины в Западной Европе пришелся на эпоху правления Карла Великого. При нем десятина получила значение миссионерского воздействия на христианизируемое и одновременно подчиняемое империи население германских племен. [21]. Любопытно также и то, что при Владимире десятина была установлена почти сразу после крещения киевлян и совершенно соответствовала условиям, при

которых десятина была установлена Карлом Великим у саксов, – сразу после их христианизации. Это вполне может означать, что древнерусская десятина имела тот же смысл и цель, что и в Священной Римской империи, – способствовать христианизации регионов.

Карлом Великим выделялись специальные монастыри, которые, получая статус королевского владения, становились миссионерскими центрами, задачей которых было распространение христианства среди окружающего населения. Любопытным королевским монастырем с правом взимать десятину с специально обозначенных территорий и обязанностью заниматься миссионерством среди германцев был монастырь Герсфельд. [22]. Помимо этой своей основной обязанности Герсфельдский монастырь был также известен как летописный центр, хроника которого оказала значительное влияние на хронографию Священной Римской империи [23]. Совершенно очевидно, что именно такую роль – специального «налогового» храма – играла Десятинная церковь Киева [24]. Было выделено и специальное духовенство [25]. Во всяком случае, в Повести временных лет эта роль, очевидно, принадлежала Анастасу Корсунянину, имевшему уникальный статус. В свое время А.Г.Кузьмин предложил гипотетически выделить из Повести временных лет летопись Десятинной церкви, которая должна была вестись в этом храме по воле князя Изяслава Ярославича, известного своими контактами с Западной Европой [26]. Хотя сомнительность подобного извлечения очевидна, Кузьмин поставил перед исторической наукой любопытную проблему, которая нашла неожиданную параллель в вопросе о церковной десятине.

Поскольку в империи Карла Великого феодальное земельное пожалование представляло собой главный источник дохода, то эти монастыри также получали в собственность десятую часть королевских территорий, что можно считать единовременным королевским десятинным взносом. В облагаемые десятиной территории попадали также и часть фискальных владений. [27] В Капитулярии 800 года «De villis» («О поместьях») об этом говорится так: «6. Желаем, чтобы управляющие наши десятину со всего урожая полностью давали церквям нашего фиска, а другим церквям нашей десятины не давать, разве только где установлена исстари. И не иные клирики пусть стоят во главе этих церквей, а только наши – из людей наших или из нашей капеллы» [28] В Древней Руси церковного землевладения в конце X – начале XI века, по-видимому, не было. Как в Церковном уставе князя Владимира оно не упоминается, сохраняя в качестве источников обеспечения церкви только десятину и церковные суды [29] Древнерусская десятина собиралась по упрощенному принципу (по принципу дани, т.е. фиска) прежде всего в силу отличия характера землевладения. Выше отмечалось, что характер получения десятинных денег на Руси в конце X – XI веков неясен. В Западной Европе

уплату десятины возлагали на население, поскольку сбор ее проводился по территориальному принципу.[30] Возможно, внедрение некоторого подобия этой практики можно увидеть и на Руси, поскольку к концу XI века десятина уже точно собиралась князьями в пользу местных епископий.[31]

Подводя итог, необходимо отметить, что обнаруженное сходство в обстоятельствах и целях введения десятины в Каролингской империи и Киевской Руси входит в очевидный контраст с современной историографической традицией. Обычно франкскую и древнерусскую десятину противопоставляют, ссылаясь на разность социально-политического и социально-экономического устройства (развития). Даже в тех исторических школах, где признается феодальный характер древнерусского строя, отмечают различие в уровне развития социально-политических и экономических процессов и потому не считают возможным связывать десятину в Европе и десятину на Руси.[32] Тем более это касается школ, где существование феодализма на Руси в столь ранний период признается невозможным.[33]

Однако нужно признать, что феодальные отношения и материальное обеспечение церкви любым способом, даже и в форме десятины, должны соотноситься, как минимум, как общее и частное. При этом частное не обязательно должно соответствовать обобщенному представлению о типических процессах. Более того, думается, что в данном случае социально-политические и экономические отношения выступают не более чем **ФОНОМ** к введению десятины. Поскольку сбор средств на содержание церкви так или иначе необходим, то он и будет организован в любом случае с учетом местных особенностей экономического и политического развития. Таким образом, общий фон не может служить признаком связи или ее отсутствия представления о десятине с аналогичными представлениями в иных политико-экономических моделях.

Литературы:

1. Димитрий Ростовский, свят. Летопись синопсис. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. С. 389; Знаменский П. В. История русской церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. (Серия: Материалы по истории церкви. Кн. 10). С. 44-45.

2. Например: Синайский А., свящ. Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому Западу. (католицизму) (X-XV в.) Церковно-исторический очерк. СПб., 1899. С. 11.

3. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908. С. 328. – Позднее государственное финансирование было преимущественно заменено ктитореями (Морозов М. А. Монастыри

средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 5). При этом льготы, предусматривавшиеся законодательством Юстиниана, практически перестали действовать, что немыслимо в условиях учреждения десятины (Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г. СПб.: Алетейя, 1998. С. 261-266).

4. Иоанн Златоуст, свят. Полное собрание творений: в 12-ти тт. Т. 11. М.: Радонеж, 2006 (Репринт: СПб., 1905). С. 40.

5. Петрухин В. Я. К проблеме происхождения древнерусской десятины: «Ветхий Завет» и древнерусская традиция // *Florilegium*. К 60-летию Б. Н. Флори. Сб ст. М.: Языки русской культуры, 2000. (Серия: *Studia historica*). С. 265-276.

6. Повесть временных лет / Подг. текста, перев., статьи и комм. Д. С. Лихачева. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб.: Наука, 1999. С. 51. – Вполне естественным кажется предположение, что тонкость богословской мысли византийцев осталась совершенно непонятна переводчику. Однако попытки объяснить появление этого слова также иногда приводили к курьезам. А.Г.Кузьмин в свое время высказал мнение, что использование этого слова указывает на крещение Владимира арианами-готами, адептом которых оказался равноапостольный Мефодий. Кроме как потерей здравомыслия это мнение оценить невозможно (Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси / Отв. ред. д.ф.н. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. С. 21-54).

7. Повесть временных лет. С. 67; Алексеев А. И. Крещение костей (К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. №1 (11), 2003. С. 103-105. См.: Костромин К. А. Князь Ярополк и Запад // *Запад-Россия-Восток в исторической науке XXI века: Материалы междунар. конф. в честь 100-летия СГУ (Саратов, 14-16 мая 2009 г.): В 2 ч. / Под общ. ред. Ю. В. Варфоломеева и Л. Н. Черновой. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. Ч. 1. С. 119-123.*

8. Повесть временных лет. С. 39-40, 125-126.

9. Артамонов М. И. История хазар. СПб., 2002. (Серия: Классика Эрмитажа. Исследования по истории и культуре). С. 274-282.

10. Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб.: Юна, 1992. С. 57, 62, 76 и др.

11. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М.: Наука, 1989. С. 76, 85-87.

12. См. произведения святителя Кирилла Туровского, «Житие Авраамия Ростовского» и др. См.: Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916.

13. Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 2. История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988-1240). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 98.

14. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. С. 69, 107, 114 и др.; Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / Под. ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фроянова, И. Я. Фроянова. Л., 1986. С. 309, 335; Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск: Удмуртский университет, 2007. 288, 293 и др.; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 33, 49, 64, 86 и др.

15. Повесть временных лет. С. 55.

16. Там же. с. 466.

17. Ср.: Ткаченко А. А., Сильвестрова Е. В., Цыпин В., прот. Десятина // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 452.

18. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 1. XI-XII века. СПб.: Наука, 1997 (далее – БЛДР). С. 318.

19. Гайденко П. И. Церковные пиры и трапезы в домонгольской Руси: смысл, функции, значение, нравы // Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013. С. 68-79.

20. Ткаченко А. А. и др. Десятина // Православная энциклопедия. Т. 14. С. 452.

21. Хэгерманн Д. Карл Великий / Пер. с нем. В.П.Котелкина. М.: АСТ, Ермак, 2003. С. 128, 192.

22. Хэгерманн Д. Карл Великий. С. 128-129.

23. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 266-270.

24. Повесть временных лет. С. 55.

25. Хэгерманн Д. Карл Великий. С. 658.

26. Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: МГУ, 1977. С. 183-220; Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / СПбГУ. СПб., 2011. С. 136-139.

27. Хэгерманн Д. Карл Великий. С. 128-129.

28. Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio II. Capitularia regum Francorum (Capit.). IV. Karoli Magni Capitularia. T. I. Hannoverae, 1883. P. 83. См.: Хэгерманн Д. Карл Великий. С. 656.

29. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 81.
30. Хэгерманн Д. Карл Великий. С. 497.
31. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. С. 83-87.
32. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М.: Наука, 1989. С. 74, 85.
33. Фроянов И. Я. Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2013. С. 633-635.